

СПЕЦШКОЛА. МЕСЯЦ 1

Автобус уже час ехал через лес по ухабистой дороге. Он вез новичков в исправительную школу для трудных подростков. Смотря в окно, Стас осознавал: дело плохо. В какую глухомань его отправили? Чертова школа находилась в Подмоскovie, в тридцати километрах от ближайшего населенного пункта.

С семьей Стас попрощался на автовокзале, еще в Москве. Младшая сестра Янка вцепилась в него и редела. Мама, стоя рядом, не отрывала от Стаса глаз — будто боялась, что он исчезнет. Отец внешне казался невозмутимым: нудил, что Стасу эта школа пойдет на пользу, поможет поумнеть и стать человеком, все для его же блага. Но Стас пропускал его пустые, ничего не значащие слова мимо ушей. Стас был напуган. Он совсем запутался. Все вокруг видели в нем чудовище, но сам он в тот момент ощущал себя жертвой. Ему так нужна была поддержка; он так хотел, чтобы его защитили от него самого! Но вместо этого его решили запереть один на один с главным врагом — с самим собой.

Автобус начал замедлять ход: похоже, он прибыл в пункт назначения. Впереди замаячил высокий бетонный забор, по верху которого тянулись пики. Увидев его, Стас еще острее испытал страх. По новой всколыхнулась и обида: все вокруг ему ввали. *«Это почти что детский лагерь, Стас. Замечательное учебно-воспитательное заведение, которое поможет тебе разобраться в себе. Здесь ты отдохнешь и приведешь себя в форму»*. Конечно, он не верил, но в глубине души хотел, чтобы так и оказалось. Пики окончательно убедили его в обратном: это место — тюрьма, где он проведет ближайшие два года.

Новичков — человек пятнадцать — высадили у главных ворот школы и провели через пропускной пункт. На просторной территории буквой «Г» расположились два убогих корпуса: один — похожий на узкий скворечник, вытянутый вверх на пять этажей, второй — низкий и длинный. Еще по территории были разбросаны хозпостройки, нашлась даже маленькая деревянная часовня. Был и стадион, и спортивная площадка, и две криво сколоченных беседки, в которых в хорошую погоду ученики, наверное, встречались с родными. Корпуса окружала узкая полоса разбитого асфальта, вдоль которой на чахлам газоне росли поникшие цветы, блеклые кустарники и деревья.

Стаса и остальных повели к «скворечнику», который оказался жилым корпусом. У крыльца группа ребят в одинаковых рабочих комбинезонах синего цвета белила деревья. Отвлечшись, один из парней оклик-

нул второго, второй — третьего, и так пока все не прервали свое занятие и не устали на новичков.

— Хей! Свежие булочки! — ослабившись, крикнул крупный смуглый парень с бычьей шеей.

— Налетай. Горяченькие, с пылу с жару! — подхватил кто-то еще.

— Чур, мне вон ту, самую аппетитную! — Первый парень не отрывал от Стаса маленьких, хитрых, как у хорька, глаз. — Начальник, эй, начальник! Слышь? Вы эту Барби не режьте, она мне с золотыми кудряшками нравится.

Раздался взрыв грубого смеха.

— Все вернулись к работе! — рявкнул воспитатель-проводжатый. Смех сразу стих, парни занялись делом. Новеньких повели дальше.

Это место не было колонией, скорее школой-интернатом строгого режима. Воспитанников помещали сюда в среднем на два года, плюс-минус пара месяцев, чтобы освобождение пришлось на лето, и эти два года шли в зачет среднему образованию. Всех здесь распределяли по классам и селили по комнатам по возрастам. В каждой комнате жилого корпуса было по четыре двухъярусных койки. Новых ребят подсаживали к ровесникам по двое-трое, на свободные места. Стасу досталась комната 18. Здесь пустовала верхняя койка у двери — узкая, заправленная старым верблюжьим одеялом.

Повседневную одежду все привезли из дома, но в гардеробе каждого ждали два комплекта казенной формы: рабочая, представляющая собой тот

самый синий комбинезон, и учебная — рубашка, брюки, пиджак и галстук. Всем также выдавали значки с флагом России — их полагалось крепить к пиджаку. Форма висела на вешалках на крючках, прикрепленных к стене рядом с койками. Крючки Стаса пока пустовали. У остальных на месте висела только учебная форма. Стас кинул сумку под кровать и направился в уборную. Помыл руки в раковине, представляющей собой длинный, во всю стену, металлический желоб с шестью кранами.

На то, чтобы привести себя в порядок, новичкам дали пять минут, а затем воспитатель повел их в душевую, выложенную дешевой бледно-голубой плиткой. Кабинки были открытые, из ржавой трубы, тянущейся с потолка, торчал никак не регулируемый душ. После душа в раздевалке организовали парикмахерскую: всех новых учеников обрили машинкой. Посмотрев в зеркало, Стас не узнал себя. Он как будто повзрослел, его взгляд стал задумчивым и тусклым. Проведя рукой по голове, он ощутил под пальцами жесткий колючий ежик. А ведь раньше волосы были очень мягкими. Расстаться с ними оказалось грустно, Стас любил свои небрежные светлые локоны. Наконец, всем выдали ножницы. Ногти велели обстричь под корень, как можно короче, — наверное, чтобы предотвратить травмы в драках. Стас не сомневался: они часто здесь случаются.

Когда и с этим было покончено, новички получили форму и учебные принадлежности, ознакомились с порядком, правилами и инструкцией по безопасности.

Режим в школе был строгий, расписан по минутам. Семь утра — подъем, десять минут на гигиенические процедуры. Затем — построение, переключка. Семь пятнадцать — зарядка. После все переодевались в школьную форму, собирались вместе и пели гимн. В восемь — завтрак, восемь сорок пять — начало занятий, которые проходили как раз во втором, длинном корпусе. В час — обед, с двух до пяти — перевоспитание: либо трудочасы, либо просмотр лекций и фильмов, — эти методы чередовались через день. В трудочасы входила любая помощь по обустройству школьного быта: починка, покраска, уборка, помощь на кухне, уход за территорией. Фильмы и лекции полагалось смотреть внимательно, а после просмотра — писать короткие эссе. Фильмы показывали в основном советские, патриотические, про войну или школу — о юных героях, самостоятельных и решительных. Все они совершали добрые поступки и служили стране, семье и обществу.

В пять — полдник, с пяти тридцати до семи тридцати — факультативы, куда входили разные дисциплины рабочих профессий: швейное дело, поварское дело, автодело и другие. Можно было выбрать творческий факультатив, например, ИЗО или лепку. На трудочасы воспитатели определяли, кто будет мыть полы, а кто — поливать цветы, факультативы же ученики выбирали сами. Всем раздали анкеты, Стас наугад поставил галочку и только потом посмотрел, куда: напротив токарного дела. Ну что ж, токарное дело так токарное дело, Стасу было все равно.

Два раза в неделю час от факультативного времени отводился обязательному сеансу с психологом. Ребятам делили на группы из восьми-двенадцати человек, для каждой назначались свои дни недели и свой час. Психологов было двое, каждый вел свои группы. На сеансах, как в фильмах, все садились по кругу, по очереди рассказывали о себе и передавали друг другу фарфоровую фигурку — сказочную золотую рыбку с гжельской росписью. Вместе с фигуркой передавалось право голоса.

Дальше — ужин, с восьми — свободное время, в десять — отбой.

Дважды в месяц приходил батюшка, а иногда воспитанников самих вывозили в церковь. Раз в месяц устраивались и выездные культурные мероприятия, например, посещения музеев. Наверное, это для всех было глотком свежего воздуха: шансом почувствовать запах свободы и хотя бы ненадолго вернуться в прошлое.

На ужин новички пришли первыми, затем — старожилы. Столовая представляла собой просторное помещение, уставленное длинными столами и лавками. Деревянные половицы скрипели при каждом шаге. Обслуживающего персонала было мало. Все сводилось к тому, чтобы перевоспитание трудных подростков проходило в работе. Поэтому каждый день по столовой назначались дежурные, которые накрывали столы, а затем убирали.

Вскоре в помещении собрались сто пятьдесят угрюмых короткостриженных мальчишек, от десяти

до восемнадцати лет. Все галдели, ели неаккуратно. Спертый воздух пах вареной капустой и грязными тряпками. Стас ел солянку из надтреснутой тарелки, разглядывал соседей и абсолютно не понимал, как он тут оказался. Как будто... попал в фильм. Все казалось нереальным. Еще вчера он спал в своей кровати, у него была своя комната. Он был свободной личностью, неповторимым человеком шестнадцати лет от роду, а сегодня эту личность стерли. На смену «я» пришло «мы». И эти «мы», сто пятьдесят человек, словно вышли из одного инкубатора. У всех схожая одежда. Одинаковые стрижки. Но Стас совсем не чувствовал общности с этими парнями.

Он с любопытством наблюдал, как они едят, и гадал, за что они сюда попали. За разбой, драки, кражи, наркотики? Интересно, например, за что сюда угодил Хорек-бык, обозвавший Стаса Барби? Этот парень как раз сидел через два стола от Стаса, иногда недобро на него поглядывал и что-то шептал соседям. Стас взял на заметку: надо запомнить эту компанию и держаться от нее подальше. К счастью, Стас с Хорьком жили в разных комнатах.

Перед сном все отправились чистить зубы. Стас встал с краю желоба, в самой верхней его точке. Когда он выдавил пасту на щетку, сзади раздался насмешливый голос:

— Барби заблудилась?

Глянув в отражение в зеркале, Стас увидел позади Хорька. Вокруг стало очень тихо.

— Я Стас, — ответил он, пока вполне миролюбиво.

Хорек прищурился.

— Тебя будут звать так, как я захочу. Помочь отыскать твое место? Оно вон там. — Хорек показал на самый левый, нижний, край желоба. — Где стекаются все харчки.

И в этот момент Стас кое-что понял о здешней иерархии. Ну конечно, Хорек ведь из старожилков. Он всячески пытался урвать кусок пирога получше. Вон, даже место у верхнего края желоба приватизировал. А Стас нагло его занял.

Стоящий где-то в конце невысокий упитанный паренек с широкими плечами и огромной головой-тыквой спешно собрал свои туалетные принадлежности и, кивнув Стасу, показал на освободившееся место. Он напомнил Стасу Шляпу из компании Мицкевич. Чем? Может, квадратной фигурой? Или взглядом, добрым, но грустным? «Мушкетеры» — так себя величали Томины друзья. Интересно, за что такие сюда попадают?

Сдерживая бешенство, Стас направился к концу желоба. Ты ли это, Шутов? Что с тобой? Прежний Стас уже впечатал бы этого урода в пол и растирал подошвой его кровь. Он ни за что не смолчал бы и не пошел бы, как послушная собака, туда, куда ей прикажут.

Но перед отъездом Стас дал Егору, своему лучшему другу, обещание: стерпеть все, что бы ни произошло. Ведь он действительно очень хотел измениться, а значит — больше не решать проблемы *так*. Не драться. Никуда не лезть.

— Послушай, Стас, — говорил ему Егор. — Конфликты для тебя опасны. Это как вертеть пакетиком с дозой перед глазами завязавшего наркомана. Не заметишь, как снова подсядешь на иглу, и я уже тебя не вытащу. Обещай мне.

Говоря, Егор неотрывно смотрел Стасу в глаза и казался очень грустным. А еще, несмотря на долговязую худую фигуру и смешно торчащие уши, он выглядел в ту минуту очень убедительным и взрослым. Его невозможно было не послушаться. И Стас пообещал, что все выдержит.

Хорек презрительно хохотнул. Определенно, с этим парнем у Стаса будут серьезные неприятности. Хорек — его игла. Но он справится.

Паренек-тыква оказался соседом Стаса по койке. После того, как понурый Стас вернулся в комнату, он решил его подбодрить: сказал, что вообще-то парни в школе нормальные и кормежка вкусная, просто сегодня с ужином не повезло. А Хорек, он же Данил Резак, — вожак козлиной компании, которая ко всем цепляется. Но если пореже попадаться им на глаза, все терпимо.

— Меня Коля зовут, — наконец представился сосед.

Стас лежал наверху и всем видом показывал, что не настроен на разговоры, но Коля посчитал иначе. Он стоял возле койки, опершись руками о матрас, и с любопытством рассматривал Стаса. Пришлось представиться в ответ. Разумеется, Коля принял

вялый короткий ответ за приглашение поболтать еще и затараторил:

— Я тут за кражи. Увлёкся, знаешь. Ходил по магазинам и тырил все подряд. Эмоции, драйв, круто, в общем. Потом стал попадаться... Родителям надоело меня отлавливать из участков, и вот я тут. А ты за что заехал?

— За убийство, — спокойно ответил Стас.

— Да ла-адно, гонишь? — недоверчиво протянул Коля. — Тебе что, еще нет четырнадцати?

— Почему? Есть.

— Тогда должны не сюда, а в колонию, убийство же. Так что все ты врешь!

— Ну ладно, ты меня раскусил.

Стас посмотрел по сторонам — не подслушивают ли соседи? — и с заговорщицким видом поманил Колю поближе. Тот — весь в предвкушении захватывающей истории — встал на свою койку и наклонил ко Стасу любопытное ухо.

Стас сложил ладони трубочкой и зашептал:

— Зажал библиотечную книгу.

Коля отодвинулся, легонько стукнул Стаса и обиженно воскликнул:

— Очень смешно!

Стас довольно засмеялся. Он так и не раскололся, почему он тут. Считал, что за такое ни в колонию, ни в исправительную школу сажать не должны.

За такое бросают прямиком в ад.

Новички — их оказалось двенадцать человек — сидели на стульях, расставленных по кругу в спортзале. Намечался пятый групповой сеанс у психолога. В такой обстановке Стас чувствовал себя героем американского подросткового фильма восьмидесятых.

Группу вела Светлана Игоревна, школьный (но Стас бы сказал — тюремный) психолог. Красивая милфа лет сорока. Точеное лицо с кошачьими глазами, смуглая кожа, толстая темная коса. Сегодня на Светлане Игоревне был бордовый свитшот без рисунка и черные брюки; на шее — изящный золотой кулон. Она тоже сидела в кругу.

Слева от Стаса ерзал на стуле Васяй, худой и нескладный паренек. Вытянутое лицо и крупные зубы придавали ему сходство с лошадыю; темные волосы от природы так вились, что даже сейчас, коротко остриженные, умудрялись закручиваться в спиральки.

Васяй раньше дробил на девушек в общественных местах. На родителей постоянно сыпались жалобы, и однажды их терпение лопнуло — вот они и отправили его сюда.

Васяй поглаживал фигурку золотой рыбки и рассказывал свою историю.

— Понимаете, все эти многочлены, одночлены, пестики, тычинки... — сбивчиво говорил он. — Это все сводит с ума. Я так и вижу, как у меня перед глазами пляшут вагины. А девчонки... Они носят ужасно короткие юбки. У меня все дни в штанах прямо пожар.

Сначала в школе я каждую перемену бегал в туалет и... Ну, вы понимаете. Но это не помогало. Потом стал незаметно прямо на уроках. Затем — на улице и в торговых центрах. А потом стал попадаться. Меня три раза в психушку отправляли на обследование...

Большинство присутствующих кивали в знак сочувствия и понимания. Редкие тихие смешки Светлана Игоревна пресекала шиканьем. Сама она что-то записывала в тетрадь, задавала вопросы. Чем увлекался Васяй? Занимался ли спортом? По ответам было понятно, что его ничего, кроме дробки, не интересовало. А как обстоят дела сейчас? Васяй ответил, что сейчас он думает о вагинах немного меньше, потому что их здесь нет. Точнее, мало, поправился он, смущенно взглянув на психолога. И также потому, что здесь очень мало свободного времени и Васяй очень устает. Светлана Игоревна удовлетворенно кивнула и что-то пометила в тетради.

Васяй протянул фигурку Стасу, но тот молча передал ее дальше. Светлана Игоревна взглянула на него озабоченно и спросила:

— Снова ничего не скажешь?

Стас покачал головой. Светлана Игоревна нахмурилась.

Стас — единственный в группе, кто еще не сказал о себе ни слова. У Светланы Игоревны был дар: она могла разговорить почти всех. Кто-то раскрылся уже на первом сеансе, кто-то на втором, Васяй, предпоследний из группы, — только на пятом, из-за того, что

история у него уж больно постыдная. А Стас все отмалчивался.

Фигурку забрал Коля, сидящий слева, и заговорил о магазинных кражах. Свою историю он рассказал уже на втором сеансе, но каждый раз нужно было дополнять ее, переосмысливать. Светлана Игоревна перевела на него взгляд и будто забыла о Стасе, но в конце сеанса, когда все стали вставать, попросила Стаса остаться.

— Стас, ты сам ухудшаешь свое положение, — сказала она, когда они остались наедине. — Ты не хочешь со мной сотрудничать, а это означает, что ты не желаешь меняться, становиться лучше. Я очень хочу тебе помочь, но прошу, сделай шаг мне навстречу.

— У вас есть мое дело, вы в курсе всего, — бросил Стас. — К чему мне повторять заново? Вы и так все знаете.

Светлана Игоревна покачала головой.

— Прочитать твое личное дело и услышать историю из первых уст — разные вещи.

— По-моему, абсолютно одинаковые, — Стас пожал плечами. — Я не добавлю ничего нового.

Она посмотрела на него проникновенно, как будто заглядывала в душу.

— Ошибаешься. Ты можешь рассказать мне много нового, такого, о чем даже и сам не подозревал.

Стас покачал головой.

— Мне нечего вам рассказать.

Он сделал шаг, собираясь уйти, но Светлана Игоревна его остановила.

— Ну, хорошо. Я не буду больше настаивать. На сеансах ты просто будешь сидеть и слушать всех.

Про себя Стас удивился тому, что от него так быстро отстали.

— Но взамен ты кое-что сделаешь. — Светлана Игоревна порылась в сумочке, достала чистую тетрадь и ручку и протянула Стасу. — Ты будешь вести дневник своего прошлого и каждый день записывать хотя бы по паре строк обо всем, что произошло.

— Что? — переспросил Стас, не уловив суть. То ли Светлана Игоревна говорила быстро и тихо, то ли это из-за неслышащего уха. Психолог повторила.

— Я не буду требовать от тебя прочитать его. Это останется твоим личным. И я даже никогда не узнаю, выполняешь ли ты мои указания, или же дневник останется пустым. Ты можешь мне соврать, сказать, что ведешь его, а на самом деле нет, и я не узнаю. Это будет на твоей совести. Да это и неважно. Главное — ты должен его взять.

Стас послушно забрал тетрадь, твердо пообещав себе ни разу в жизни ее не открыть. Но что-то заставило его нарушить обещание в этот же вечер, в свободное время перед отбоем.

Лежа на койке, он задумчиво смотрел на глянцевую темно-зеленую обложку, усеянную рисунками лисьих мордочек и оранжевых кленовых листьев. От тетради веяло чем-то осенним: дождем, прелой листвой, кострами, шарлоткой с яблоками и горячим грибным супом. Он задумался. А было бы забавно... Написать пару строк. О каком-нибудь ко-

ротком теплом моменте из прошлого. Почему нет? Он ни разу не видел, как выглядят его воспоминания на бумаге.

Повертев в руках ручку, Стас открыл тетрадь и начал писать. Над пустым листом он не сидел ни минуты: в голове вдруг всплыло воспоминание об одном теплом солнечном дне последнего предшкольного лета. И оно было настолько ярким и сильным, что Стаса будто окунуло в прошлое, в его семь лет.